

Драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого. Две части

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 5. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1842 -- ноябрь 1843.

Редактор тома М. Я. Поляков. Подготовка текста В. Э. Богграда. Статья С. И. Машинского.

Примечания Г. Г. Елизаветиной.

М., "Художественная литература", 1979.

[OCR Бычков М. Н.](#)

ДРАМАТИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ И ПЕРЕВОДЫ Н. А. ПОЛЕВОГО. СПб. В тип. Н. Греча. 1842. Две части. В 16-ю д. л. В 1-й части -- 435, во II-й -- 589 и XIII стр.

Г-н Полевой сделался драматистом совершенно нечаянно. Если б в то время, когда издавал он свой "Московский телеграф", в котором с такою энергиею и таким одушевлением преследовал и уничтожал бездарность и посредственность, если б, говорим мы, в то время кто-нибудь сказал ему, что некогда он будет писать "драматические представления", -- то, думаем, такое предсказание почел бы он за обыкновенную выходку оскорбленной и самолюбивой посредственности, которая не хочет, да если б и хотела, -- не может верить в других продолжительности и неизменности возвышенных убеждений. Другими словами: он принял бы этих предсказателей за тех людей, которые, с лукавою усмешкою, всегда говорят пылкому юноше, презирающему пошлыми житейскими проделками и порывающемуся к осуществлению высшего идеала жизни: "А вот погоди, упрыгаешься -- не то запоешь; мы сами не хуже тебя горячились в свое время, да вот уgomонились же и взялись за ум!" Пылкая юность обыкновенно презирает такими предсказаниями, но втайне они сердят ее и обдают холодом, заставляющим содрогаться. Увы! назло пылкой юности, слова этих предсказателей не совсем вздор и ложь, или, лучше сказать, редко, очень редко вздор и ложь... Нечто вроде этой горькой мысли так ловко и занимательно было развито самим г. Полевым в его без всяких претензий написанной статейке: "Три дня в двадцати годах" (сцены из обыкновенной человеческой жизни, в разговорах представленные; см. "Новый живописец общества и литературы, составленный Николаем Полевым". Москва, 1832, часть III, стр. 119); вот содержание этой примечательной статейки. Несколько задушевных друзей, за бутылкою вина, мирно беседуют о высокой цели жизни, о высоком смысле их дружбы. "Мы, -- говорит один из них, -- осмеливаемся причислить себя к людям, *отличенным Зевеса любовью*; нам должно прожить не только не делая зла: это участь толпы! -- нет, для нас впереди завидная судьба: действовать и быть полезными другим тем, что дала нам мать-природа и общая дружба наша, освященная заветом на прекрасное и великое; все мы в одно время вступили в свет: дадим же руку и поклянемся жить для ближних!" На эту восторженную речь восклицают все другие: "Клянемся!" Оратор продолжает: "И да будет тот наказан общим всех нас презрением, кто изменит клятве! Не я изменю, ей первый..." -- И не я, и не я! повторяют все другие. Приятельская беседа эта происходит накануне разъезда друзей по разным дорогам жизни. Один из них -- поэт и литератор; он читает отрывки из своих стихотворений, говорит об успехе своих статей: о Лагарповом разборе "Заиры", о нелепости английской драмы и о преимуществе "Россиады" перед "Генриадою"¹. Другого из них метят друзья в великие полководцы, третий сам смотрит великим дипломатом. Вот, через десять лет после этого вечера, друзья опять собираются; но это уже не те пылкие молодые люди, с которыми мы познакомились в первый вечер, назад тому десять лет... Один из них мизантроп и клянет себя, как за слабость, за остаток любви к людям; другой не бережет своего здоровья, говоря, что "не для чего"; все чувствуют, что отстали от века, выжили из таланта; действительность поколотила мечты юности их, и они недовольны жизнью, недовольны друг другом, пересуживают, упрекают один другого в слабостях, недостатках и ошибках. Еще через десять лет один из них уже сделался "его превосходительством", двое других подличают в его передней, а третий безуспешно хлопочет у своего превосходительного друга по делу сироты, сына одного из их друзей, которого хотят ограбить друзья же отца его, -- и о местечке с пустым жалованьем для другого сироты, сына умершего в доме умалишенных лучшего друга из этого кружка друзей.

Это решительно лучшее из всех "драматических представлений" г-на Полевого, ибо в нем отразилось человеческое чувство, навеянное думою о жизни; а между тем г. Полевой написал его без всяких претензий, как безделку, которая не стоила ему труда и которую прочтут -- хорошо, не прочтут -- так и быть! Какая же мысль этого "драматического представления"? Она ясна и без пояснений; но у нас есть своя мысль на этот предмет, -- мысль, по нашему мнению, достойная того, чтоб какой-нибудь поэт взял ее в основание целой драмы или целого романа: "Юность есть огонь и свет жизни; каждый человек